

~ ПЕЧАТИ ОСНОВАТЕЛЕЙ ~

ГЕННАДИЙ КОРШУНОВ

БАШНЯ
КУКОЛ

Геннадий Коршунов

Башня Кукол

Серия «Печати Основателей», книга 1

<https://litres.ru/74332482>

SelfPub; 2026

Аннотация

Участники экскурсии сталкиваются с вооруженным вторжением и вынуждены бежать в иной мир. Здесь люди живут в подземных Башнях, укрываясь от смертоносного Прилива, соблюдая Традиции Основателей, что велит уничтожать иномирцев. Южные моря бороздит бронированный флот, идет охота за артефактами и наследием древности, тайные организации толкают правителей к глобальной войне, а в скрытом убежище пятьсот лет спит боевая кукла. Так начинается история о людских страстях, чести, справедливости и верности, что не может удержать вся техномагия нового мира.

Содержание

Общая информация.	4
Глава 1.	5
Глава 2.	21
Глава 3.	30
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Башня Кукол

Общая информация.

Геннадий Коршунов.

ПЕЧАТИ ОСНОВАТЕЛЕЙ.

Книга Первая.

БАШНЯ КУКОЛ.

Все имена, персонажи, названия, местности и сюжет - плод моего художественного вымысла. Любое сходство с реальными событиями и людьми, умершими или ныне живущими - случайность.

Глава 1.

Наливающиеся отчётливым розовым цветом облака уже вовсю барражировали в утреннем небе за неплотно задернутыми полотняными шторами моей комнатухи, когда в шаткую плетеную дверь громко постучали.

– Таймон, я вхожу!

«Точен до безобразия и столь же надоедлив», - подумал я, застегивая последние пуговицы рубашки с высоким воротником, чтобы встать навстречу распахнувшему дверь и входящему внутрь здоровяку. Мастер ювелирных дел Рабан, слегка пригнув голову, чтобы не задеть низкую притолоку, бежал взглядом мою каморку. Не обнаружив свидетелей в виде заспанных красоток, как и всегда, осуждающе покачал головой.

– Опять, поди, всю ночь работал? Мне-то, оно конечно, с того выгода, да только юность дело весьма мимолетное, завел бы уже себе какую... хмм... подругу, хотя б на пару ночей. И ладно бы был с лица не богат, но, то не про тебя - девицы так и заглядываются, а ты их всё чураешься. Вот хотя бы та же Самойлова дочка, даром, что ль чуть не через день в мастерскую тебе пироги таскает, – мастер завистливо вздохнул. – И смазлива, и телом свежа, да тонка. Да я в твои годы таких шансов не упускал, а теперь-то при моей благоверной и взгляд в сторону не отведешь, если не хочешь голодным

спать ложиться. Ревнива и обидчива стала с годами, как сущий ярх, в сезон гона... Эх, барыши - барышами, а юность она быстротечна...

Издав еще один сокрушенный вздох, мастер, воровато оглянувшись, выпростал вперед широченную, как лопата, ладонь.

Это его нравоучение на тему растранижаемой мною юности повторялось с завидным постоянством и уже обрело статус ритуального. Те три месяца, что я провел в городке у Башни Саверо я всячески избегал как шумных сборищ, так и общества местных кокеток. Я четко осознаю, что это место для меня пристанище временное, а задача максимум в нем – заработать как можно больше звонкой монеты. Женской ласки же хотелось до одури, но на то, чтобы уговорить требующий разрядки организм обычно хватало мысли о недостижимой сейчас девушке, а сверх того - напоминания о тех слухах, что непременно поползут по городку после интимных сношений с одной из красоток, что наделяют меня своим вниманием. То, что я прячу под плотным материалом глухой рубашки не утаить от чужих рук даже в темноте, и обязательно возникнут вопросы, а следом и сплетни, которые могут дойти и до Гвардии Основателей. Потому и приходится корчить из себя всего такого скромнягу не целованного, что чурается женского общества и всецело отдается работе. Впрочем, второе истинно: работа на мастера Рабана занимает почти всё мое время. А мешочек с деньгами, под настилом крова-

ти, уже разбух до весьма солидных размеров. Еще неделька и можно отравляться дальше, к более крупной Башне. Накопленных средств с лихвой должно хватить и на место в одном из северных караванов, и для найма проводника в земли горных кланов, что славятся своими целителями. Кстати, о мастере и звонкой монете – нравоучения-то он мне выделил, а сам нетерпеливо протягивает ладонь.

Усмехнувшись про себя, я прошел к своему рабочему столу и достал из-под темной ветоши два сверкающих браслета. Выполненные из синей стали, с витиеватой вязью золотых прожилок, среди которых глубоко утоплены три крупных желтых камня – они и меня зачастую завораживали своей искренней красотой, а мастер так и вовсе всякий раз затаивал дыхание, когда я передавал ему свои новые работы. Так и случилось теперь. Браслеты легли на широченную ладонь Рабана и тот, всхрипнув как застоявшийся конь, блаженно уставился на них. Десяток секунд любовавшись игрой утренних отсветов в глубине драгоценных камней, он тщательно уложил каждый в отдельный холщовый мешочек и упрятал в свою поясную сумку. Извлек потертый кожаный кошель, и торжественно отсчитав четырнадцать золотых, вручил их мне.

– Вот не пойму я, – в который раз пытливо вглядываясь в моё лицо, заговорил мастер. – За то время, что ты работаешь на меня, я же выплатил тебе целое состояние. На что ты его тратишь, Таймон? Обновок в одежде у тебя почти никаких,

девок опять же не балуешь, да на улице Развлечений не бываешь. Неужто копишь, как матерый ярх жирок к зимовью? А на что ж? Да на эти деньги можно и этаж купить на средних уровнях, – взгляд мастера стал подозрительным и колючим. – Или ты собрался податься в Башню Мастеров? Сам хочешь получить лицензию и открыть своё собственное дело?

Я в ответ лишь безмятежно улыбнулся.

– Что ты, мастер. Мне туда еще рано, вот через год-другой и подумаю о том. А пока всё отсылаю с торговыми обозами родным, – не моргнув, выдал заготовку я. – Им нужнее. Сам знаешь – жизнь в прибрежных Башнях не сладкая.

Простодушный здоровяк Рабан мигом утратил свою настороженность и чугунной ладонью похлопал меня по плечу.

– Хороший ты парень, Таймон. Твоей матушке так повезло с тобой, – чуть ли не блестя глазами от умиления, произнес он. – Ладно, пора и день начинать! Через час жду тебя в лавке, сегодня день простой – ты уж будь добр, посиди до обеда вместо меня, а я пока схожу в Башню и отдам заказы. А после, как вернусь, можешь быть свободен – отдохни уже как следует. Следующую партию полночного металла мне доставят только послезавтра к вечеру, а там уж я рассчитываю на тебя, – в глазах мастера Рабана вновь заплясали огоньки жажды легких барышей.

– Торговцы с нижних этажей, для которых мы выполняем этот заказ, обмолвились, что Эфор собирается обеспечить всех Гвардейцев Башни охранными браслетами! И они бу-

дут, за малые отступные, рекомендовать ему обратиться в мои мастерские, а это заказ на целый год вперед! Главное, чтобы торгаши остались довольны качеством этой партии. А как им не остаться довольными – такого уровня изготовления, как у тебя я в жизни не видывал... – мастер осёкся и снова бросил на меня опасливый взгляд. – Тебе, конечно, есть еще куда расти, да и обучиться изготовлению ударных и целебных браслетов стоит. Держись меня, парень, – так мы оба станем очень богаты и известны на весь материк!

Я покивал головой. А мастер, напоследок стиснув моё плечо стальной хваткой, тихонечко шмыгнул за хлипкую входную дверь. Через десяток секунд его глухие шаги растворились в отдаленье.

Что ж, «богатство» вполне вписывается в мои планы. А вот второй пункт про «известность» в них никак не входит. В моем положении поговорка: «тише едешь – дальше будешь», ой как в тему. Итак, я балансирую на грани того, что слухи о славном мастере Рабанае, что внезапно стал производить высококласные охранные браслеты, просочатся за пределы территории Башни Саверо. А ведь с каждым днем эта вероятность возрастает. И хорошо, что местное правление в лице Эфора Башни еще не обратило на это внимание. Но непременно обратит, иначе он не был бы Эфором – официальным главным лицом, наделенным всей полнотой власти по принятию решений на отведенной к его присмотру территории. Мастером непременно заинтересуются, как только

его кандидатура будет рекомендована к выполнению правительственного заказа, а там и могут докопаться до меня. Пожалуй, лучше не высиживать еще неделю, а отправлять в дорогу с ближайшим обозом торговцев.

Мастер дал мне час до появления в лавке. В обычный день я потратил бы его на завтрак и, собственно, саму дорогу до работы. От моей лачуги до лавки двадцать минут пути. Что ж, сегодня я пропущу завтрак, вместо этого направлюсь сейчас же на торговый постой – наведу справок о собирающихся в путь обозах. Подумано – сделано. Тщательно упрятав полученные монеты в тайник под кроватью, я, снял с вешалки и аккуратно надел на голову свою рабочую кепку, без которой никогда не появлялся на людях и тем более в мастерской. Напоследок подхватил со стола наливное красное яблочко и, хрустя им, вышел в разгорающийся солнечный день.

За эти три месяца, что я провел в городке у основания Башни Саверо, тут ничего не изменилось. Те же узкие улочки между теми же нагромождениями времянок, в которых ютится население верхних этажей. Тут и разнорабочие, и незнатные ремесленники с торговцами, и, конечно же, основные добытчики пропитания – земледельцы и рыбаки. Широким кругом вся эта братия обстроила свои жилища на целых полкилометра от основания Башни, чья каменная вершина едва возвышалась на метр от поверхности земли. Сама Башня Саверо была по местным меркам небольшой: четырехсотметровый диаметр в верхней точке и примерно сто

этажей уходящих в земную твердь. А уж сколько их там на самом деле, да каково число разных боковых шахт, и как обширно они ветвятся во все стороны под поверхностью – одному Эфору с приближенными ведомо.

Саверо стала первой населенной Башней на равнине, в которой я опробовал свою легенду уроженца безымянных прибрежных Башен. Все, что я знал о них так это то, что люди живут там в небольших каменных вертикальных шахтах поселениями примерно в двести-триста человек. Добывают рыбу, соль, уголь с железом, да декоративные ракушки, столь ценимые жителями равнины. Впрочем, этих моих познаний, сдобренных небольшими домыслами, местным хватило, и вот так я, худо-бедно, слился с жителями верхних этажей Саверо. Элита Башни – жители нижних этажей, редко поднимались на поверхность, и их я видел только издали. Для моих же планов вполне было достаточно мелких ремесленников обитавших на верхах.

Когда я добрался до башни Саверо, мастер Рабан, ювелир-кузнец второго ранга, был славен не более чем иной другой из пятерки ему подобных, что расположили свои мастерские на поверхности. Потолкавшись среди местных, я, представившись желающим стать учеником ювелира, навел справки о каждом. Один был скуп, другой работал без учеников, третий слыл хитрецом охочим до сплетен, четвертый славным выпивохой, а пятый честным работягой, выдававшим ничем не примечательные изделия. На нем я и остано-

вил свой выбор.

Явившись к мастеру, я сходу предложил ему взять меня в ученики, в обмен на плату в пятую часть от стоимости браслетов с охранными чарами. Срок изготовления пары – четыре часа. При этом изготовление самих браслетов полностью ложится на меня, от мастера требуются только материалы да способ реализации готовой продукции.

Рабан ошалело оглядел меня с ног до головы, перечитал грамотку, что я всучил ему и, побагровев, начал вставать из-за стола, с явным намерением вышвырнуть наглеца на улицу. Действуя на упреждение, я выложил перед ним один из имевшихся у меня тогда браслетов. Мастер коротко взглянул на него и осел обратно.

Десяток минут попытков и что-то отчаянно прикидывая в своем рассудке, он выдал мне заготовку, полночные камни и инструменты для нанесения рун, потребовав изготовить браслет немедленно и при нем. В ответ я усмехнулся и покачал головой. К этому моменту я уже знал, что каждый ювелир работает уединенно, никому не показывая свой собственный метод нанесения рун и зачарования камней. Вот только работа среднестатистического мастера занимала примерно пять-семь дней, а обучали этому непростому делу только в Башне Мастеров, располагавшейся в центре равнины. Конечно, были и самоучки, что постигали науку зачарования годами и выдавая в лучшем случае слабенькие подобию защитных браслетов. Потому я смело потребовал у ма-

стера выделить мне отдельную комнату и оставить меня в одиночестве на необходимые четыре часа.

По окончании отведенного срока, мастер, все это время меривший соседнее помещение грузными шагами, ворвался в комнатуху и я продемонстрировал ему только что завер-
шенный браслет. Тщательно осмотрев его и даже обнюхав, он поднял на меня свои ословевшие глаза.

– Ты где этому научился, парень? – тяжело дыша, спросил Рабан. – Для выпускника Башни Мастеров ты больно молод, в твоём возрасте туда только-только отправляются на обучение...

И тут снова пошла в ход одна из моих заготовок, что я придумал по пути к Саверо от побережья. Мол, мой почтен-
ный батюшка был знатным ювелиром в одной из централь-
ных Башен, да вышел у него разлад с одним из Эфоров, и ко-
нечно из-за взаимной, но предосудительной любви к его су-
пруге. Потому пришлось папеньке бежать аж в прибрежные
районы, где он и обосновался в одном из поселений, со вре-
менем женился, принял фамилию моей матери, а после обу-
чил своему делу меня. Называть имя папеньки я, разумеется,
не вправе – дело хоть и давнее, но кто его знает, насколько
простирается обида того Эфора. Береженого, как говорится
- Основатели берегут.

Мастер выслушал эту историю одновременно и с недовер-
чивостью, и с простодушным сопереживанием развернув-
шейся перед ним драмы. Эх, вот что значит не отравленное

телевизионными мыльными операми сознание жителя местного общества. Любая дичь впитывается ими только ладно сказывай. Вот и тут незаметно на столе появилось разбавленное вино, закуски и завязался неспешный разговор, в котором мы тщательно обговорили детали взаимовыгодного сотрудничества. С рассветом мы окончательно ударили по рукам, мастер выдал мне десяток монет на снятие жилища и я отправился обустраиваться. Так я стал официальным учеником ювелира, помощником в лавке и получил возможность по-быстрому сколотить нужную мне сумму.

Да, эти три месяца я славно потрудился, но всё хорошее имеет место заканчиваться. Нужно только вовремя остановиться и я всем нутром чувствовал, что для меня это время пришло.

Под эти немного грустные мысли я добрался до торгового постоя. По-быстрому наведя справки, поговорил с парой мелких торговцев, покидавших городок в нужном мне направлении. Один из них отбывал завтра на рассвете, второй еще через сутки. Договорившись о месте в обозе и с тем, и с другим, я поспешил в лавку.

Едва выйдя за ворота торгового постоя, я резко остановился. Метрах в двадцати, прямо посреди улицы гордо шествовал человек, облаченный в длиннополые ярко-фиолетовые одежды. Да это же обитатель нижних этажей. Причем из весьма непростых, поскольку прямо за его плечом возвышался украшенный вязью многоуровневых рун Гвардеец.

Двухметровое четырехрукое металлическое чудовище ступало настолько беззвучно, словно плыло над землей. Длинная алебарда в верхней левой руке неколебимо смотрела прямо в небо, отбрасывая яркие блики своим навершием. Казалось, что Гвардеец вообще не смотрит по сторонам, потому что шлем его намертво соединен с телом, без какого-либо намека на шею. Однако, в народе шептались, что он видит всё и сразу. Круговая щель в шлеме могла обеспечивать ему трехсот шестидесятиградусный обзор, а как устроена система зрения этого голема знали только их создатели – обитатели таинственной Башни Тлена.

Эти твари всегда вызывали у меня какой-то неосознаваемый ужас. Быть может от того, что мнилось – если стоит им приблизиться ко мне, то металлическое чудовище опознает во мне чужака и тогда участь моя весьма плачевна. Резко свернув влево, в корне ломая кратчайший маршрут и начиная обходить невысокие строения по широкой дуге, я поторопился удалиться от нежелательной встречи.

Время до обеда катилось медленно и душно. Влажный зной позднего лета обрушился на небольшой город и свел к минимуму число празднующихся. От нечего делать я лениво полировал самый древний браслет, что являлся гордостью мастера и занимал почетное место среди предлагаемых товаров. Иссиня-черно сиреневый металл был необычайно тускл, вязь рун затейлива настолько, что я терялся в её сплетениях, а полночные камни хоть и крупнее обычных, вот

только полностью разряжены и совершенно не держали зачарование. На заре своей карьеры молодой выпускник Башни Мастеров Рабан купил браслет у проезжего торговца по цене металла из которого он сделан, рассчитывая нажиться на приведении его в порядок. Браслет был чрезвычайно стар и служить по своему назначению уже не мог, представляя из себя скорее коллекционную ценность. Более того, именно из-за этой замудрённой вязи рун даже определить его предназначение не смог ни мастер, ни я. И если мне было подвластно только зачарование охранными чарами, Рабан владел в небольшой степени всеми. Однако, ввиду скромных способностей наполнение чарами этих камней у него занимает до недели. Пару раз попробовав и потерпев неудачу – мастер поместил браслет на товарную полку, без особой надежды на реализацию. Вряд ли его кто-то купит из типовых посетителей. Рабан заломил за него непомерную цену, согласиться на которую могут только жители нижних этажей Башни. А они тут гости крайне редкие.

Я раз восемь уже пробовал заполнить полночные камни этого браслета охранными чарами и каждый раз безуспешно. Причем сила зачарования ни на что ни влияла. Сколько бы энергии я не вливал в него - ровно через двадцать минут камни снова были пусты. Вот и сейчас от вынужденного безделья, я лениво наполнял браслет чарами, для случайного наблюдателя всего лишь протирая его от невидимых пылинок.

Только-только я успел заполнить емкость камней на браслете, в заднюю дверь лавки вбежал старший сын Рабана – двенадцатилетний увалень.

– Таймон! Тебя отец зовет во двор! Он сказал как можно скорее! А я пока за тебя в лавке посижу, покараулю... – выпалил юнец, гордо надувая щеки от возложенной на него миссии. Лавку свою мастер обычно не поручал недалекому наследнику, уже давно смекнув, что кузнечное, а тем более ювелирное дело тому, ну никак не дается. Пацана готовили к opravке в Сторожевую Башню, где из таких вот сильных, но не особо умных, клепали охранителей внутреннего порядка.

Кивнув ему, я было направился к витрине, чтобы положить заряженный браслет на его место.

– Отец сказал: как можно скорее! Чего ты там возишься! – прогундосил мне в спину исполнительный отрок и я, махнул рукой: засунув браслет в карман широких рабочих штанов, направился в задней двери. Ладно уж, потом верну его на место, раз такая непонятная спешка.

Мастер обнаружился во внутреннем дворе мастерской под кузнечным навесом, беседуя с тучным, бочкообразным господином, в потертом красном халате. Понятно, житель средних этажей. Не особо знатный, но и не вынужденный считать каждую монету. По внешнему виду и угодливому выражению на лице Рабана – перспективный клиент.

– Звал, мастер? – подойдя к ним, спросил я. Мой работодатель живо всплеснул руками.

– Тут такое дело, ученик! В торговых рядах неожиданно подвезли партию полночного металла! Надо успеть отобрать лучшие заготовки, пока не подоспели эти пад... гм... – Рабан покосился на своего тучного собеседника. – Другие мастера. А у меня с почтенным Табаросом срочный разговор, который я прервать не могу, даже ради такого важного дела! – Мастер учтиво склонил голову, всем своим видом выказывая уважение клиенту. Тот благосклонно покивал. – Потому сходи в ряды сам, ты ... гм... уже достаточно опытен, чтобы разобраться в качестве металла. Вот тебе деньги и поспеши!

Мастер протянул мне небольшой мешочек, в котором угадывались четыре или пять десятков золотых. Я подхватил его и кивнул. Мне уже доводилось самостоятельно закупаться у торгашей, так что это практика обычная. Шагнув к воротам, я замер и повернувшись обратно к Рабану, выудил из кармана старый браслет.

– Мастер, я тут не успел положить его в витрину... – начал было я, но тот широко махнул рукой и оборвал меня.

– Да и ярх с ним! Нацепи пока на себя, не пропадет! Потом, всё потом! Поспеши на торг!

Пожав плечами, я зашагал к выходу. Да и почему бы и нет. На ходу задрал рукав рубашки и надел браслет. Конечно, подмастерью такие вещи носить не пристало, не по чину, да и внимание привлечет. Но если вот так застегнуть рукав, то ничего и не заметно: материал плотный, грубый, что там под ним – попробуй разгляди. «Тем собственно и пользуюсь» -

хмыкнул про себя я, идя к воротам.

На полпути одна из створок приоткрылась и во внутренний двор шагнула невысокая худая женщина средних лет, с подвижным, тревожным лицом. Натолкнувшись взглядом на меня, она поспешила навстречу.

– Сынок, ты не подскажешь мне, где тут будет мастер Рабан? Мальчик в лавке сказал, что он где-то тут.

Я бегло оглядел её. Не из наших клиентов. Скромная пропыленная одежда, дорожный мешок. Явно только-только пребыла в городок. Может каким-то поселениям срочно понадобилось сделать что-то на заказ. Улыбнулся женщине, и показал себе за спину.

– Вон там, под навесом, тот, что высокий и похожий на крупного причесанного ярха.

Тревожная женщина никак не отреагировала на мою незатейливую шутку, и мимоходом поблагодарив меня, быстрым шагом направилась к навесу.

Я уже подошел к воротам и положил руку на их перекладину, как голос женщины из-за моей спины приморозил меня на месте.

– Будь благополучен, добрый мастер. Я ищу своего сына – Таймона Векса. Мы посылали его в эту Башню с рекомендациями к мастерам и на торговом постое мне сказали, что ты взял его к себе в ученики, – быстро и громко говорила тревожная женщина, обращаясь к Рабану. – Где же он? Здоров ли? За четыре месяца мы ни получили от него ни единой

весточки...

Полный надежды вперемешку с тревогой голос женщины утих, многократным эхом ударив меня между лопаток. Я обернулся и натолкнулся на широко распахнутые глаза мастера Рабана. В его взгляде недоумение быстро сменялось незаслуженной обидой, а она грозила скатиться в праведную ярость.

Проследившая его взгляд женщина тоже обернулась, смотря на меня с обреченным ужасом.

Бежать!

В голове ударил набат, который не беспокоил меня долгих три месяца.

Бежать! Опять бежать! Прочь!

Так же как и в первые минуты появления в этом мире. Бежать не оглядываясь. Потому что за спиной остается только то, что несет мне погибель.

– Простите, – прошептал одними губами я, смотря прямо на несчастную мать, потерявшую надежду на встречу с сыном. С неимоверным трудом разрывая натянувшуюся между нами незримую нить, у меня вышло рывком развернуться.

Толкнув перекладину ворот, я вывалился на улицу и, стремительно набирая скорость, понёсся прямо к ближайшему выходу из окрестностей Башни Саверо.

Глава 2.

Некоторое время назад.

До того лета в моей жизни вообще не было выездных экскурсий. Вот вообще ни единой. Я предельно хорошо помню своё настроение и мысли в день, что стал последним в моей прошлой жизни. Оставалось меньше суток до инцидента, который четко разрубит множество судеб на «до» и «после». В том числе и мою.

Крупный туристический автобус тихо катился сквозь солнечный день, в салоне из колонок звучал какой-то попсово-рэповый шумурдяк с очередных вершин пафосных чартов, заглушаемый переливами разнобойного хора голосов соседей, а я периодически проваливался в невеселые мысли.

Я не хотел этой поездки. Предпочел бы остаться дома, провести время со своей девушкой, смотаться за раками с приятелем, а потом посмотреть под них и пиво какой-нибудь сериал. Благо последние годы в моей стране действительно научились снимать качественный контент. Причем я говорю не о продукции первой или второй кнопки, не о той баланде, что стряпают на поток пародирующие западные сериалы онлайн-кинотеатры, а о гораздо более скромных каналах, чьи детективы, я и Вика, иногда смотрели. Кто бы знал, как это пригодится мне в будущем, когда я, скрывая правду о себе, пересказывал эти незамысловатые, но такие народные сюже-

ты, незнакомым с телевиденьем аборигенам. Вика... Виктория... Тори... Девять лет вместе. Моя первая влюбленность и самая желанная девушка, с того самого дня, когда я увидел её в коридоре нашего детского дома.

Обычно принято негласно ругать эти воспитательные учреждения, сетуя на свою нелегкую судьбу в их стенах. Мне же не на что жаловаться. Другой жизни я не знаю, мой детдом помог мне стать тем, кто я есть сейчас, и свел с той, с которой я хочу провести все доступные мне дни.

В конце 2000-го года система детских домов работала на износ. Поток воспитанников, возросший на несколько порядков в середине девяностых, и не думал снижать обороты. Кадров не хватало, помещения стремительно приходили в негодность. Всего через пару лет в моду войдет меценатство, вернется попечительство и в разы возрастет госфинансирование. Но в тот год, год моего рождения и Миллениума, в жизни дома ребёнка номер 4 были далеко не лучшие времена. И в этом мне тоже повезло, потому что все самое лучшее из оставшегося доставалось именно новорожденным и детям до трех лет.

Клавдия Ивановна Башкирова, воспитатель-педагог с пятидесяти четырехлетним стажем, в тот год собиралась на долгожданную пенсию. Декабрьским вечером она несла заявление на визирование руководителю, когда в дверь вошли двое в милицейской форме с грудным ребенком на руках. Никого из прочего персонала свободного не было и Башки-

рова, свернув своё заявление и опустив в карман, принимала малыша сама. А когда маленькие пальчики обхватили её за руку и притянули к себе, она бегло взглянула на крошечный и гукающий, небрежно завернутый сверток и поняла, что заявление об уходе, полежит в кармане еще какое-то время. Именно этой женщине я обязан своим именем, отчеством и фамилией. В те годы на фоне популярных фильмов и политических событий пацанят через одного называли в основном Данилами да Владимирами, если это по тем или иным причинам не сделала мать. Фамилию же выбирали по месяцу появления в доме ребенка: Мартовский, Июльский и так далее. Но Башкирова была женщиной старой закалки и записала меня как Ивана, с отчеством своего деда – Борисовичем. А еще раз взглянув на ясное и улыбающееся личико младенца присвоила фамилию Солнцев.

Все это я узнал гораздо позже, когда выпустившись из детдома начал наводить справки о своем происхождении и отыскав эту сухонькую, но по-прежнему бойкую, восьмидесяти шестилетнюю женщину. С годами её цепкая профессиональная память ничуть не потускнела. Клавдия Ивановна мгновенно вспомнила известные ей обстоятельства моего появления в доме ребенка.

От месячного младенца никто не отказывался в роддоме, его не находили подброшенным в корзинке с жалостливой запиской. Все было много проще и тем страшнее. Водитель перегонявший груженную фуру, очевидно, отказал себе

в краткосрочном отдыхе, в итоге отправив на вечный отдых троих. Он толи опаздывал, толи спешил скорее расправиться с делами и торопился домой. Кто теперь узнает... Он просто заснул за рулем и многотонный грузовик вынесло на встречную полосу, где он влетел в седан-такси. Тупоногая машина накатила на автомобиль, смяла его и погребла под задними колесами. Сидевшие спереди водитель и пассажирка погибли мгновенно, а три часа спустя разрезавшие остатки машины спасатели, к своему удивлению, обнаружили среди груды металлолома детское сидение с младенцем. Ребенок молча лежал среди исковерканного железа, за всё это время не проронив ни звука.

Если с водителем такси все оказалось просто – обычный работяга, очевидно подобравший клиентку на улице, потому что никаких данных о его передвижениях в этот час в службе такси не нашлось. У женщины документов с собой не оказалось, а за последующие две недели милиции так и не удалось установить её личность, и малыша прямиком из реабилитационного центра отправили в дом ребенка.

Разное случалось за моё детство, хорошее и плохое. В восемнадцать я получил от государства однушку на окраине, а через год выпустилась Вика и мы начали жить вместе. Квартира ей не полагалась – оба родителя живы, а отец даже порывался восстановить отношения с дочерью, которую сдали в детдом в пятилетнем возрасте. На его поползновения Тори ответила категорическим отказом, пригрозив добиться су-

дебного запрета, и тот окончательно отстал.

Я же отслужил срочную, отучился в медучилище на фельдшера, а затем и начал обучение на специальность «Психология» преследую цель освоить профессию психотерапевта. Параллельно подрабатывал на мебельной фабрике, а Вика всё это время работала оформителем в цветочном магазине. Результата наших трудов вполне хватало на уютную семейную жизнь, а отсутствие месячных отпусков на югах и заграницах, мы компенсировали двух- трехдневными поездками на базы отдыха, в изобилии разросшихся у местных озер.

Год назад я поступил на первый курс и на третий же день встретил в одной из аудиторий его. Молодого парня как две капли воды похожего на меня. Если не брать в расчет нашу разницу в одежде, манерах, взгляде и причёске можно было бы подумать, что мы стоим напротив своего отражения.

Стильно одетый незнакомец с ухоженной бородкой и серьгой в ухе, вышел из ступора быстрее меня и подошел первым. Разговорились, оба поразившись своему необычайному сходству. Нехороший звоночек прозвенел в рассудке, и я между делом уточнил у Севы: «Как здоровье его родителей?», а то ведь времена нынче не только полувоенные, но и весьма вирусные. Рассмеявшись, он ответил, что оба здоровы и я успокоился. На выходные он пригласил меня к себе за город с целью удивить родителей своим двойником. Что ж, сюрприз удался на славу. Сидевший в кресле-качалке власт-

ный мужчина при виде меня выронил сигару, а женщина, украшенная драгоценностями как новогодняя елка игрушками, вскрикнула, прижав руки к лицу.

Так в истории моего происхождения легла на своё место еще одна огромная картинка прошлого. Всеволод Проскурин, обучавшийся в одном со мной университете на айтишника, оказался моим братом. Его отец, Максим, крупный строительный подрядчик, в конце 90-х выгодно женился на одной из наследниц местного миллионера. В ноябре 2000-го супруга родила ему двойню: мальчишек близнецов. Не прошло и месяца как вся эта семейная идиллия разлетелась вдребезги. В свадебную годовщину, Людмила Проскурина, взяв одного из мальчишек, отправилась на их дальнюю дачу, чтобы устроить задерживающемуся супругу романтический вечер. Второй её сын подхватил бронхит и находился на карантине в частной клинике, с самым лучшим уходом, на которое было способно состояние богатых родителей. Добравшись на место, Людмила обнаружила своего супруга практически в постели со своей собственной сестрой. Женщина швырнула в мужа сумочкой и с ребенком на руках выбежала в ночь. Максим не стал её преследовать – мол, куда денется. Больше её он не видел.

Почему никто из искавших женщину так и не докопался до ДТП произошедшего всего через сутки в соседнем районе, в котором погибла женщина и выжил ребенок – установить уже невозможно. Скорее всего, причина в обычном

разгильдяйстве на местах. Кто что-то не заполнил, не передал данные, плохо искал и так далее. После этого сестра Людмилы вышла замуж за Максима, став матерью для Всеволода. Моего деда с супругой всего через год расстреляли у собственного ресторана «неустановленные лица», сделав Проскурина наследником немаленького состояния.

Смотря на сметённые лица своих новоявленных родственников я испытывал только чувство отчётливой мерзотности от их близости. Отчаянно хотелось умыться и тщательно протереть спиртом руки. Молча встав и проигнорировав попытки Проскурина заговорить со мной, я вышел прочь. За воротами меня догнал Всеволод.

– Если ты думаешь оторвать кусок от моего наследства – то хрен тебе, – прошипел он мне в лицо. – Будешь рыпаться – завалю, никто не найдёт, понял?!?

А в следующий миг он отступил назад, споткнувшись на месте, уловив что-то такое в моих глазах. Боднув его взглядом и криво усмехнувшись, я бросил:

– Я тебя слышал.

С тех пор Максим Проскурин несколько раз выдергивал меня с пар и пытался поговорить в кабинете ректора университета, который послушно освобождал помещение по повелению высокого гостя. В последнюю нашу встречу он протянул мне пухлый конверт, который я взял, и сделав шаг к нему навстречу и, распахнув борт его пиджака, чрезвычайно аккуратно вложил его во внутренний карман.

– Просто сделай так, чтобы мы больше не встречались, – сказал я уходя и никогда впредь не видел его.

Просто поразительно насколько наши с Викой судьбы были схожи в этом. Воистину она оказалась моей половиной, без которой я не представлял себя ни на миг. Именно она уговорила меня отправиться на эту экскурсию. Мол, я совсем не общаюсь с однокурсниками, предпочитая узких круг своих детдомовских знакомых. «Надо налаживать отношения, тебе же ещё учиться с ними целых шесть лет». В её словах была правда: моя будущая работа предполагала очень тесные взаимодействия с людьми, а значит нужно повышать уровень эмпатии. К тому же по универу всюду ползли слухи о нашем с Севой родстве, в которых мне отводилась роль то бастарда известного бизнесмена, то имевшего за плечами несколько ходок уголовника и по-совместительству брата юного мажора. Махнув рукой, я согласился. И вот эта проклятая экскурсия оказалась совместной. Недобор участников укомплектовали за счет группы айтишников и среди них оказался Всеволод. Погрузившись в автобус одним из первых, я с комфортом разместился у окошка, и сразу провалился в сон, а потому пропустил появление чужаков. Когда я проснулся и понял, с кем нахожусь в дороге, город остался уже в сотне километров, а куратор поездки ни за что не отпустил бы меня никуда.

Тем не менее, экскурсия прошла как по маслу. Объехали десяток достопримечательностей, и я отменно пообщал-

ся с одноклассниками. Возвращаясь назад, мы прихватили с собой пятерку литров светлого пива с местной пивоварни, окончательно закрепив в своей группе полное взаимопонимание. Обратная дорога тем временем затянулась, мост через который мы въехали в этот район встал на ремонт и водитель повел автобус круговым путем по сельским дорогам. Когда раздались первые выстрелы и грохот прилетов – никто не понял, что происходит. То, что моя страна третий год ведет боевые действия с соседним государством знали, разумеется, все, вот только это было где-то южнее, на территории противника, о чем мы, студенты, даже не задумывались.

Первым среагировал наш куратор, приказавший срочно съезжать с дороги в лес, да только было уже поздно. На утренней трассе возник человек в длинном черном толи плаще, толи балахоне. В его руках не было видно никакого оружия. Со своего второго от входа сидения я отлично разглядел перекрывшего путь мужчину. Вот он выбросил вперед руки, вспыхнуло темно-красным, и автобус взмыл в воздух, волчком закрутившись вокруг горизонтальной оси. Словно в фильме про космос, я завис будто в невесомости, а вокруг замельтешили скопища рук, ног и кресел. Это мгновение стрелой унеслось прочь и меня швырнуло куда-то вниз. Оказавшийся прямо подо мной потолок автобуса резко приблизился, в голове глухо бухнуло, и мир оборвался на вдохе.

Глава 3.

Бездонный мрак разрубил, ударивший в основание черепа, чей-то кудахтающий говорок, в котором смутно угадывались знакомые, русские буквы. Ему ответил глубокий голос на уже полностью понятном языке.

– Этих пятерых в третью.

Раздалась невнятная возня, жалобные стоны, звук глухого удара по чему-то мягкому, снова стоны и квокающие ругательства.

Никак не получалось пошевелиться и даже разлепить глаза. На лице чувствовалась сковывающая, сухая и плотная корка, намертво склеившая ресницы.

– Вот этих четверых и вон ту девку – в пятую, – снова донесся голос, раздающий распоряжения. – Сколько там еще? Трое? Маловато... Бросьте их в шестую, до следующего пополнения. Есть еще наметки, где взять материал?

Ответа я вновь не разобрал. Язык говоривших упрямо отказывался складываться в членораздельную человеческую речь, стойко напоминая кудахтанье.

– Да будут тебе деньги. Что ты как в первый раз причитаешь. Кто их хватится-то, война все ж, а кто в войну людей считает, тем более мирняк. Пропадают без вести тысячами. С тебя подгон еще четырех десятков, как минимум...

Что-то схватило меня за ногу и поволокло куда-то. За-

орать от неожиданности тоже не вышло – губы оказались скованы той же плотной коркой, а челюсть словно сведена судорогой. Звук шагов изменился: шелест ног по бетону пропал, а вместо него зацокал металл. Меня рвануло куда-то вниз и бедра ударились о какие-то тупые треугольники. Еще один рывок и они же прошлись по спине, гребенкой боли отозвавшись в позвонках и ребрах, завершившись ударом моего затылка по холодной стальной поверхности, от которого темнота расцвела радужными всплесками и завертелась юлой.

Лестница. Меня волокут вниз по металлической лестнице с короткими невысокими ступеньками. Успел подумать я, когда на следующем рывке голова снова повстречалась со ступенькой, и мир вспыхнул радугой, тут же угасая, а в ушах зашумел многоголосый шум прибора.

Первым ощущением, после того как отхлынула бездонная тьма, стало покалывание каких-то острых иголочек в кончики пальцев и ладонь. Вторым пришло осознание мягких прикосновений к лицу, маленьких и явно женских рук, что бережно стирали остатки тянущей лицо корки, которая не давала мне открыть глаза.

– Олька, да брось ты уже с ним возиться! Очухается, сам встанет...

А вот этот голос был мне знаком до отвращения. Всеволод Проскурин, мой новоявленный братик, не испытывающий ко мне трогательных родственных чувств.

– Сев, как тебе не стыдно! Мы все вместе в одной беде, – зазвучал прямо возле меня девичий голосок, и прохладные пальчики провели влажной тряпицей по спёкшимся ресницам. Я попытался разлепить веки, одновременно поднимая правую руку. С невероятным трудом вышло и то, и другое.

Проморгавшись, я разглядел над собой склонившийся девичий силуэт. Да это же Ольга Мичурина, однокурсница Всеволода, что однажды даже прислала мне валентинку на 14-е февраля. До меня долетали сплетни, что Сева не раз пытался подкатить к державшейся особняком девчонке, раз за разом получая сдержанный отворот. Те же всезнающие знакомые ребята намекали на её интерес ко мне и предлагали ответить взаимностью, пригласив девушку на свидание. Вот только у меня и в мыслях никогда не рассматривался подобный вариант. Я уже встретил ту, с которой познал счастье. При мысли о Тори в груди трепыхнулся откровенный страх. Сколько времени прошло с того как случилась вся эта чертовщина? Как она без меня? Волнуется и не знает где я... А собственно, где это я?

Я повертел головой, щурясь сквозь забор всколоченных ресниц. Полутемное помещение из крупных камней, скрепленных зернистым цементом, примерно шесть на шесть метров. Тусклая лампа, забранная решеткой под потолком, отбрасывала ломанные волны света на устланный соломой пол. В одном углу темнел вонючий и явно отхожий короб, похожий на перевернутое корыто. В другом - тоже корыто, толь-

ко до половины наполненное темной жидкостью. В одной из стен внушительная бревенчатая дверь с решетчатым, и явно откидным, окошком.

– Ты как? – спросила сидящая на коленях девушка, помогая мне сесть. Подавив стон, готовый сорваться от тупой боли, ударившей в спину, я слегка улыбнулся ей. Ольга держала в руке тряпицу, которая раньше была куском рукава её рубашки. Я догадался, что именно этой материей, предварительно смоченной в воде из корыта, она отирала мне лицо. Провел рукой по щеке и всмотрелся в ладонь, окрасившуюся в грязно-красный цвет. Кровь... Ощупал лицо и голову, никаких ран нет, только болезненная припухлость на затылке. Значит, не моя... Гадать, чья именно, после того, что случилось с автобусом не требовалось. В той мясорубке, когда вокруг летели выбитые окна и сломанные поручни, наверняка были те, кому не посчастливилось налететь на них. А значит, были и травмы. В лучшем случае - травмы...

Старая не думать о плохом, я всмотрелся в людей в камере. Считая меня и Ольку, пять человек. Всеволод, один незнакомый парень с его группы и мой однокурсник, которого я знал только по имени – Данил.

– Спасибо, Оль, – сказал я, благодарно накрывая её руку своей. – Ты мне очень помогла, я не забуду. Что-то известно о том, где мы и что происходит?

Девушка вздрогнула и склонившись так, что длинные светлые пряди упали на лицо, помотала головой. Опомнив-

шись, я убрал руку, и снова подавив стон от потревоженных ребер – уселся поудобнее.

– Это похищение, – спокойно проговорил неизвестный мне одноклассник Всеволода. – Мы тут минут 30-40. После того как перевернулся автобус, его окружили люди в военной форме. Тех, кто мог ходить сам и тех, кто не получил серьезных травм вытащили наружу и загнали в фургон. Судя по взрыву, который раздался после этого – автобус, с тем кому не повезло, взорвали.

Меланхолично перечислил парень, глядя пустыми глазами прямо перед собой. Судя по-всему, то, что он видел, вогнало его в состояние отрешенности, что часто выступает предохранителем, помогающим разуму не свалиться в пропасть паники. Один из моих преподавателей, бывший военврач, рассказывал о таком на лекциях. «Паника губительна» – говорил он. «Первое, что надо сделать в группе гражданских, это любым способом подавить её. Только после этого проводить эвакуационные или медицинские мероприятия». К счастью, никто из сидящих в камере, симптомов паники не проявлял. На лицах: отрешенность, тревога, страх и, конечно же, надежда. Что ни говори, а поколение воспитанное утратившим связь с реальностью голливудом, треш-блогерами и мясными игрушками не всегда правильно оценивает происходящее, частью рассудка впитав безумный тезис о своей неуязвимости и обособленности от ряда событий. Многие мои одноклассники часто говорили: «Какое мне дело до то-

го, что происходит где-то еще? Меня же оно не касается». Вот и эти еще не поняли, что коснулось. Впрочем, «в моменте» это даже к лучшему.

– Что было дальше? Ты видел? – поторопил я вновь провалившегося в свои мысли паренька.

«Нужно уметь переключать внимание, не давая заикнуться на том, что способно вызывать панику». А это уже говорил лектор по основам психологии. Тот, к кому я обращался, слегка повернул в мою сторону свою голову, и я разглядел, что правая сторона его светлых волос слиплась от плотной корки темной, засохшей крови. То, что кровь не его становилось понятно потому что, ею же было залито ухо, часть шеи и почти все правое плечо. На него щедро плеснуло откуда-то сбоку. В автобусе нас было человек сорок, плюс куратор с водителем. Сколько выжило, а сколько осталось там, я знать не хочу. Уже и без того очевидно, что погибших не мало.

– А потом они распылили в фургоне какой-то газ, и я вырубился, – меланхолично продолжил залитый кровью блондин. – Очнулся уже здесь, минут тридцать назад.

– Вань, как ты думаешь, что им надо? – робко подала голос Олька, по-прежнему сидящая возле меня. Я не успел ответить, из угла раздался голос Всеволода. Он восседал на самой большой куче соломы и, из-за этого, казалось, посматривал на всех остальных свысока.

– Да, сказал я тебе, им по-любому нужен выкуп. Ты же

знаешь, кто мой отец! Похитили меня, а все остальные просто подвернулись за компанию. За вас, конечно, тоже запросят какие-то деньги, но не ссыте – батя выкупит всех, я попрошу – когда мне дадут ему позвонить.

Я промолчал. Не стоит объяснять самодовольному деграду, что под его версию ситуация не складывается. При таком жестком захвате автобуса - в той мясорубке, погибнуть мог любой. Посекло бы осколками, пробило бы поручнем и все, прощай выкуп. Нет, тут что-то иное. На территорию моей страны напали. Похитили часть пассажиров автобуса, оказавшегося на пути захватчиков, а потом замели следы, подорвав его с теми, кто пострадал серьезнее остальных. Тот обрывок разговора подтверждает эту неприятную версию. Никто не станет нас искать: сочтут погибшими при атаке. Значит, у похитителей нет планов отпускать выживших. Тогда что? Рабство? Нелегальные опыты? Разборка на органы? Очень сильно смушал тот мужик, что пальнул по нам непонятно чем. Я хорошо его рассмотрел, такой пожилой дядька в одеянии до пят, похожий на лесного отшельника или выживальщика, как я их себе представлял. Гадать можно до бесконечности, а это контрпродуктивно – время можно потратить и с большей пользой.

Тщательно осмотрел свои карманы. Вот же ж твари – вымели все подчистую. Ни телефона, ни ключей с брелоком, в котором пряталось длинное шило. Опросил ребят и те также посетовали на пустые карманы. Поднявшись и жестом пока-

зав порывающейся мне помочь в этом Ольке, что все в порядке, я прошел к двери. Мощная и толстенная, никакого намека на замок. Значит, закрывается на засов снаружи. Обошел помещение, прощупывая и осматривая стены. Мда уж, сделано хоть и крайне грубо, зато надежно – без перфоратора не проколупать. Навестил отхожий угол и под завистливый взгляд Севы справил малую нужду. Олька деликатно отвернулась, а остальные и вовсе не отреагировали. Прошел еще раз по периметру, расшвыривая солому под ногами. Еще более неприятное открытие: пол представлял из себя сплошную бетонную плиту.

Наблюдавший за моими передвижениями Сева, иронично комментировал эти действия, однако я не обращал на его реплики внимания и он вскоре заткнулся.

– Что думаешь, Вань? – впервые подал голос Данил, все это время молчаливо разглядывающий носки своих ботинок.

– Да, что тут думать – просто сядь и жди, скоро нам дадут позвонить или написать родным и... – снова завел свою пластинку Сева.

Пока он говорил, я осмотрел товарищей по несчастью. Шнурки в кроссовках и ботинках есть у всех, пояс только у меня. Ну да, этот пережиток прошлого нынче не в моде, а зря. Под трескотню незатыкающегося Севы, я стянул с себя ремень. Широкий, из плотной кожи, он был куплен мной на блошинке еще в детстве на первые заработанные деньги и не раз выручал в сложной ситуации. Под недоумеваю-

щие взгляды я намотал его на правую руку. От запястья, через большой палец, в два оборота вокруг ладони и по сжатым фалангам пальцев, так чтобы массивная пряжка с хищно торчащим вперед толстым язычком, оказалась четко пригнана к ударной плоскости кулака. Плотнo зафиксированная таким образом кисть обеспечивала солидное преимущество в большинстве детдомовских потасовок, разве что раньше я никогда не выставлял вперед язычок пряжки, поджимая его, чтобы не покалечить связавшегося со мной агрессора. Теперь же, вспоминая своих одноклассников, оставшихся во взорванном автобусе, я не сомневался в правильности этого решения. Бить надо сразу, жёстко и желательно наповал.

– Ты чего это затеял? – снова заговорил со своего соломенного насеста Сева и осекся, когда я развернулся к нему, впервые посмотрев ему прямо в лицо. Боднув его взглядом и увидев, как он опускает глаза, я проговорил.

– Когда за нами придут, встаньте в середине комнаты вот тут, чтобы тот угол с корытом от двери казался еще одним человеком, сидящим в тени. А там посмотрим. Если я ударю – вы сразу падаете на пол, договорились?

Дождавшись испуганных и настороженных кивков, я присел у стеночки.

– Хорошо. А теперь подождем, может, и правда, потребуют выкуп и всё обойдется.

Разумеется, в эти свои слова я не верил. Сказал для того, чтобы попритушить возможную панику и дурные дей-

ствия, которые она провоцирует. А в остальном и впрямь – посмотрим. Первый контакт с захватившими нас будет самый важный, он чётко обозначит их намерения. От обращения с пленными станет ясно, какая участь нас ожидает. Сидя в полной тишине, я один за другим прокачивал варианты своих действий. Что делать, если в дверь войдет один человек, а может их будет двое. Или они не войдут, а потребуют выйти по одному или сразу группой...

На очередной рекогносцировке возможных событий, дверь со скрежетом распахнулась руша большую часть моих намерений. Почему-то я был уверен, что по такому монолитному полу непременно передастся издалека звук шагов тюремщиков, ведь вряд ли они передвигаются в мягких ворсистых тапочках...

Возникший на пороге мужчина не носил ни ботинок, ни даже тапочек... Он был совершенно бос и, как мне показалось на мгновение, абсолютно обнажен. На следующей секунде сбоку истошно завизжала Ольга, подтверждая статистику того, что девочки имеют большую гибкость воображения и оперативнее фиксируют стрессовые ситуации. Еще через миг я, наконец-то разглядел, что мужчина входящий в камеру был облачен в сшитую как попало человеческую кожу с остатками порезов, кровоподтеков и фрагментами табуировок. Она оборачивала его в несколько плотно пригнанных разноцветными нитками слоев с ног до головы, и даже лицо с нереально крупными, расширенными глазами покры-

вали многочисленные куски чужих лиц.

Вскочив, я ошарашено соображал, что предпринять, а похожий на разваренную сардельку некто бесшумно двинулся ко мне, явно выбрав своей целью как ближайшего к входу. Присев под его протянутой рукой, я резко пробил ему в солнечное сплетение, рассчитывая далее ударить в висок. Хищно выставленный вперед язычок, а за ним вся пряжка, с чмоканьем вонзились в расплзшуюся под ударом мертвую плоть, и завязли в слоях кожи. Чудовище гукнуло, молотом опуская руку и всё, что я смог сделать, так это убрать голову в сторону. Скользящий удар пришелся вдоль уха прямо по шее и в ключицу. Меня швырнуло в пол и показалось, что парализовало всю левую сторону. Перехватило дыхание, и солома перед лицом расцвела хороводом сверкающих огоньков.

Склонившееся надо мной нечто, снова гукнуло и, ухватив за штанину, выволокло из камеры. Сквозь кроваво-черные пятна перед глазами я увидел небольшой коридор с рядами однотипных деревянных дверей, затем меня протащило по лестнице и еще через один коридор, на этот раз намного длиннее. Завершился путь в небольшом зале, куда меня втащил монстр и, пихнув ногой, отбросил к стене.

– Игорь! Да он же без сознания, ты зачем его приволок?!? – откуда-то справа загремел уже слышимый мной властный голос, и я поспешил прикинуться ни на что не реагирующим мешком. Снова послышалось гуканье, в котором отчетливо

слышались рабские нотки.

– Тупое создание! Прикуй его пока цепью в углу, а то очнется еще раньше времени. И приведи другого - из шестой, я сказал. Это камера напротив той, откуда ты достал этого. Больше не ошибайся, недоумок! И быстрее!

Меня снова дернуло и протащило метра два. Изображая безвольный куль, я позволил рукам свободно разбросаться в стороны, а голова, как бы случайно, вывернулась в направлении раздававшегося голоса. Вокруг левой ноги защелкнулось что-то очень тяжелое и чудовище удалилось. Теперь я научился определять его местоположение по тошнотворно-сладкому запаху разлагающейся плоти.

Слегка приоткрыв веки, я огляделся сквозь частокол ресниц.

Ну, ни хрена себе поворот. В своих теориях о происходящем я такого точно не предполагал.

Посреди грязно-серого помещения напоминающего склад стояли четверо ребят из тех, что были в одном автобусе со мной. Трясущиеся от запредельного ужаса, они жались друг к другу. На их ногах какие-то кандалы, от которых тянутся длинные цепи, ведущие к большим катушкам с поворотными рычагами. За ними четко просматривалась арка непонятного назначения, сложенная из белого камня. Всю внутреннюю сторону этой арки покрывали маленькие, плотно пригнанные друг к другу и отшлифованные до зеркального блеска разноцветные камушки, в которых я, не будь их так много,

усмотрел бы какие-то алмазы, гранаты и изумруды. Если это так, то она стоит как несколько авианосцев – не ко времени вспорхнула в голове отстраненная мысль. А перед парнями стоял тот самый дядька в длинном балахонистом плаще, которого я видел на дороге.

В гробовой тишине протекли еще пара минут, которыми я воспользовался, чтобы осмотреть чем это меня там приковали. К огорчению, кандалы на моей ноге заканчивались цепью, пропущенной через кольцо, вплавленное в стену. Всего-навсего метр длины. Даже не достать до так удобно стоящего ко мне спиной ублюдка. Тем временем в помещение вернулся завёрнутый в кожу выродок, толкая перед собой одного из моих одноклассников. По-быстрому приковав его на длинную цепь, он швырнул парня к остальным ребятам.

– Сейчас вы, по моему сигналу, пройдете в эту арку и окажитесь в незнакомом месте, – заговорил мужик в плаще. – Там может быть темно, потому возьмите эти фонари, – он указал на столик рядом с аркой, на котором возвышалась гора ручных фонариков. – Вы должны найти там всё, что не закреплено и принести назад. Мелкие вещи кидайте прямо в портал, остальное выносите в руках. Больше всего меня интересуют книги, может быть очень большие и в металлических обложках. Затем предметы – браслеты, зеркала, оружие. Если этого нет – берите то, что найдете и несите сюда. Если вы успешно справитесь с заданием – я отпущу вас. Обещаю.

Мужик сделал несколько шагов в сторону, остановившись перед чудным устройством похожим на генератор, к которому в изобилии были прикручены катушки из медной и какой-то изумрудной проволоки. Последовательно дернул за рубильники и указал рукой на арку, где после его манипуляций сгустился воздух, в котором искрились изумрудные снежинки.

– Живо, вперед.

У меня перехватило дыхание от этого его простого движения. Рука оказалась густо увита и даже пробита в нескольких местах сплетениями медно-изумрудной проволоки. Выглядело это так, словно он положил её под гигантскую швейную машинку, что насквозь прошила конечность от локтя и ниже рваными, хаотичными стежками, оставляя в местах проколов бугристую, воспаленную плоть.

Никто из ребят не пошевелился, заморожено смотря на эту страшную руку, словно принадлежащую ожившему трупу. Мужик повернул её ладонью кверху и по проволоке, вплавленной в плоть, зазмеились красные искорки. Через миг голова Макса, что стоял впереди всех остальных, с сочным треском лопнула, разбрасывая вокруг ошметки волос и кости... К горлу подкатила тошнота и я чуть не вскочил на ноги, рефлекторно попытавшись убежать. Кто-то рухнул на колени, и оттуда густо запахло мочой. Кого-то вырвало. А дернувшихся в сторону, пригвоздила к месту, змеей натянувшаяся цепь. Перед моими глазами плясали кровавые вспышки,

и хотелось заорать дурным голосом в попытке проснуться от этого сверхреалистичного кошмара. На третьем курсе меда, нам по желанию предлагали посетить вскрытие и я согласился. Не знаю, может быть, та практика и помогла мне остаться совершенно неподвижным в этот момент.

– Живо, вперед, – равнодушно произнес тип в плаще, и все четверо рванули в арку. Пройдя в неё – они мгновенно исчезли, будто их стерли быстрым мазком невидимой кисти. Чем была эта арка? Телепортационное устройство? Врата в иной мир? Да какая разница. Когда каждая вторая книга или фильм вещают о параллельных мирах, столкновение с чем-то подобным в реальности воспринимается как нечто само собой разумеющееся, а удивление может вызвать только наигранное и постановочное. Люди веками строили теории о сказочных, вымышленных местах, так что рано или поздно встреча с ними мнилась совершенно неизбежной.

Цепи вошедших в арку методично разматывались, а я смотрел на них и думал о слабости человека. Никогда прежде в жизни я не ощущал такого бессилия. Здесь ничего нельзя было сделать. Совсем ничего. Отчаяние почти физически нависло надо мной и начало наваливаться, вдавливая в холодный, склизкий пол. Я умру здесь и Тори никогда не узнает... Стоооп. Здесь. Вот ключевое слово. Здесь ничего нельзя сделать. Однако, кто его знает, что там на той стороне, чем бы она не была. Незнестность это не только неопределенность, это еще и возможность. Если здесь ничего не при-

ходит в голову, остается думать там. Значит, надо попасть туда. Если меня бросили тут, то и мой черед подойдет рано или поздно. Нужно выждать...

Внезапно методичный ритм разматывающихся цепей оборвался. Всех четырех сразу. Мужик нервно дернулся, выдав этим своё раздражение. Нетерпеливо прошелся туда-сюда. Кивнул уроду в чужой коже на одну из катушек с намотанной цепью. Тот подошел к ней и, крутя ручку, стал сматывать цепь. Вскоре из арки показались ноги в залитых кровью ботинках и штанах. Еще два оборота и тело моего одноклассника распласталось у ног мужика в плаще. Труп был весь покрыт мелкими дырочками, лениво сочащимися кровью. словно по нему прокатился гигантский дикобраз...

На этот раз никакого приступа тошноты я не ощутил. Меня охватило какое-то ледяное спокойствие. Значит, и на той стороне нет спасения. Остается только дожидаться пока на мне будут менять цепь и в этот момент попытаться дотянуться до твари в плаще. Даже без шанса на успех. Нужно попытаться.

Тем временем из арки были выволочены остальные тела. Все в одном и том же виде – перфорированные сотнями отверстий.

– Что ж и этот этаж недоступен для изучения. Будем пробовать следующий, – проговорил мужик в плаще, переключая какие-то тумблеры и реле на своем устройстве. – Игорь, прибери здесь. Тела можешь забрать для своих нужд, смой с

пола кровь. И води тех, что в пятой камере. Если их дружок не очнется к тому моменту, приведешь одного из шестой.

Другой этаж? Так арка ведет не в одно и то же место?! Это меняет всё. Надо вернуться к первоначальному плану и пройти на ту сторону. А там, быть может, и появятся какие шансы. Осталось дожидаться, когда приведут ребят из моей камеры, и мы еще поборемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.